

Бориса притаился волк. Это — принятая на Руси символика приближающейся смерти, ее связь с народной поэзией несомненна.⁴²

Степень личного почина несомненно была связана с индивидуальностью мастера; однако в значительной степени он зависел от принятых образцов. Только творческая мысль иллюстратора порывала с шаблоном, чему прекрасным примером является Царственная книга, текст которой взят из лицевого синодального тома Никоновской летописи, но миниатюры



Рис. 1. Святополк посылает воинов убить Бориса. (ГИМ, собр. Уварова, № 628, 4°, 20—40-е годы XVI в., л. 28 об.).

композиционно вполне самостоятельны, хотя обе серии стилистически однородны.⁴³

Итак, рядом с действительными расхождениями Д. В. Айналов отметил и мнимые, явившиеся результатом его положения об идеальном восприятии и изображении текста мастером миниатюр протографа Сильвестровского сборника. Причины расхождения между миниатюрами и текстом анонимного Сказания не следует усматривать в предполагаемом древнейшем тексте. Оно является просто свидетельством того, что рисовальщик пользовался разными иконографическими источниками, — отсюда и следы стилей разных периодов. Ведь иконы Бориса и Глеба «в деяниях» в изображении отдельных сцен следуют и летописному рассказу 1015 г.,

⁴² В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1963, илл. № 155, фото клейма см. илл. № 157; снимки иконы также в кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 79; Э. С. Смирнова Отражение..., стр. 316, рис. 1.

⁴³ А. Е. Пресняков. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893; В. Н. Щепкин. Лицевой сборник имп Рос. исторического музея. — ИОРЯС. т. IV, 1899, кн. 4, стр. 1350—1351; А. В. Арциховский. Древнерусская миниатюра..., стр. 157; О. И. Подобедова. Миниатюры..., стр. 108, 145—150.